

Москва
ГАЗЕТ

Аксиома конкуренции

Независимая - 2003 - 28 нояб. - с. 12

28. 11. 03

Мариинка плюс Большой: кто кого соберет?

Анна Ершова
Санкт-Петербург

То, что Мариинский и Большой конкуренты, – аксиома. Соперничество витает в воздухе. Возьмем хотя бы события минувшего сезона. Мариинка дружит с парижским театром «Шатле», а Большой заключает договор с парижской же «Гранд Опера». Живой классик Ролан Пети, дав согласие на постановку балетов в Петербурге, со скандалом уезжает в Большой из-за слишком вольной интерпретации своих спектаклей. Алексей Ратманский, любимый хореограф Москвы, снятый с постановки шемякинского «Щелкунчика» в Мариинке, логически завершает взаимоотношения с Большим театром назначением на пост худрука балета. Светлана Захарова, любимица балетного директора Махара Вазиева, танцующая почти все ведущие партии, уходит к конкурентам. Эти факты, а также многочисленные сопутствующие легенды навели нас на мысль провести своеобразное расследование на тему соперничества двух театров.

Легенда первая. Петербуржец в Москве

Считается, что к петербуржцам в Москве относятся прохладно, что вагановская школа лучше московской, а в Большой уходят, только сильно разругавшись с руководством Мариинки.

Светлана Захарова:

– Я не могу сказать, что один театр перспективнее другого. В Большом мне не обещаны никакие новые постановки, и никаких скандалов в Мариинском у меня не было. Конечно, если из театра уходит ведущая балерина – это большая потеря, поэтому мы долго вели переговоры с Вазиевым, но в конце концов пришли к общему мнению. Я очень рада, что он дает мне возможность танцевать и в Мариинском театре, а также ездить с ними на гастроли. Все крупные театры в мире – конкуренты, и это нормально. Если сравнивать работу внутри труппы, то могу сказать, что в Мариинском театре строгая и жесткая дисциплина, и все очень много работают. Пока я не заметила в Большом никаких негативных эмоций по отношению ко мне. Наоборот, все интересуется: как я, не помочь ли советом.

Легенда вторая. Москвич в Петербурге

Николай Цискаридзе, солист Большого театра:

– Сразу хочу вас предупредить: я стал мудрым. Мудрость, знаете, приобретается собственными шишками. Так что вы меня вопросами не провоцируйте, я хочу умереть собственной смертью. Мариинский и Большой – абсолютно не конкуренты, это совершенно разные театры, и сравнивать их нельзя.

После того как однажды я пропел в Мариинке целый месяц и вернулся в Москву, первое, что бросилось в глаза, – все вокруг красное. Я понял, как сильно отвык. Даже в цвете – менталитет двух городов. В Москве все насыщенное, сочное, агрессивное. Питер – более спокойный и холодноватый. Есть такие понятия в искусстве, как школа переживания и школа представления. Москва – школа переживания, душа нараспашку, все эмоции на максимуме. Петербург – школа представления, где главное – форма.

поначалу. Слишком ярким я был, чтобы меня сразу приняли. Но если у человека хватает силы воли и ума, чтобы это пережить, у него все получится.

– Как-то вы говорили, что обычно на слуху совсем не те имена, которые того заслуживают. Это намек на то, что некоторых балерин раскручивают богатые дяди?

– Деньги можно вкладывать в кого угодно, но проходит время, и тот, кто был достоин, все равно займет свое положение. Меня никто не раскручивал. В Петербург я приехал как московский

больше я горжусь, что часто выступаю в Петербурге».

Что тут сказать? Просто идиллия.

В неудовольствии идем к first face российского балета Ульяне Лопаткиной, которая после рождения дочери и перенесенной операции на ноге успешно начала новый сезон гастроллями в Лос-Анджелесе.

Легенда третья. На Западе танцуют лучше

– Почему наши балетные труппы мало исполняют современную хореографию?

– Российскому зрителю ближе классический балет. Вопреки убеждениям, классический балет – не музейный экспонат. Партия, которую мы танцуем в спектакле, – старинная оболочка, в которой можно выражать современные чувства. Я, конечно, хотела бы увидеть хороший новый спектакль. Но для этого надо экспериментировать на маленьких площадках. Нужно беречь традиции нашего театра и искать постановки, которые проверены временем или другими театрами. К сожалению, у нас считают так: лучше новое, чем совсем ничего.

– Русский балет технически отстает от Запада?

– Если мы будем ориентироваться на Запад, то потеряем свою индивидуальность. Если потеряем индивидуальность – не будем интересовать Запад. Вот такой замкнутый круг. Не важно двигаться в таких темпах, в каких танцуют американцы, важно делать это хорошо. По-русски, одухотворенно. Дело не в том, что мы отстали от Европы. Дело в том, что мы не так тщательно работаем над собой. Знаете, чем профессионал отличается от непрофессионала? Профессионал не выйдет на сцену, пока в танце у него не отработано все: рисунок, техника, роль. Если мы будем думать только о том, как сделать побольше вращений, мы конкуренции с Западом не выдержим. Но когда русский танцует со всей силой своей души – американцам крыть нечем.

В нашем театре постоянно

не хватает времени для черновой работы. Спектакли готовят в таких экстремальных условиях, что роли выходят незавершенными. Для чего эту гонку устраивать? Говорят, что жизнь идет вперед и нельзя готовить спектакль бесконечно долго. А бесконечно долгим считается один месяц. Но танцовщик не может научиться переживать, играть и танцевать наскоро. И если в классическом балете пекутся лишь о технике, получается цирк».

Если принять все сказанное артистами за истину, можно составить нехитрую формулу: Большой + Мариинский = великий русский балет, с которого сыплется нафталин, но которым второе столетие привычно восхищается мир, а его эмблема – эффектная стойка из «Лебединого озера» – ассоциируется с шоколадками «Вдохновение» и TV-заставками периода политических катаклизмов.

Со стороны сразу и не угадаешь, на какой сцене творится эта красота – в Мариинском или в Большом.

Фото Дмитрия Куликова

– На ваш взгляд, руководство в Мариинском театре более жесткое, чем в Москве?

– Здесь я гость, и отношение ко мне другое. Но вообще балет нуждается в сильной руке. Мы часто разговариваем в Мариинке с ребятами, – они жалуются, а я их убеждаю, что иначе нельзя. Дисциплина в театре должна быть военная. Вот в Большом с нею как раз в последнее время неважно.

– Считается, что в балетной системе все делается по благу. Чтобы станцевать сольную партию, артисты стоят в длинных очередях, и кто знает, какими средствами придется добиваться, чтобы эта очередь стала короче...

– Везде одно и то же. Театр – очень жесткое место. Протипоставления, неурядицы, обиды, зависть. Лучше от всего абстрагироваться. Я-то сам с улицы пришел. Было сложно

артист, о котором никто ничего не знал. Не было ни афиш, ни рекламных роликов. Но после первого спектакля началась самая лучшая реклама: когда люди просто из уст в уста передавали, что на это стоит сходить.

– Вам в Питере хорошо. А вот Москва, считается, ревностно относится к питерцам.

– Москва не принимает петербуржцев? Неправда! Все петербуржцы, которые приехали в Москву, получили мировую известность. Да у нас все руководство Большого театра – это Петербург! Москва принимает всех. А почему питерцы в Москву уезжают? Потому что где столица, там и главный театр. Правда, в этом и проблема московских актеров: они настолько привыкли считать себя самыми главными, что уже не обращают внимания на других.

А вот Питер москвичей принимает довольно тяжело. Тем